

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ БАБУШКИ РИНЫ ЗЕЛЕННОЙ

МОЯ РИНА

Моя дорогая, незабвенная Рина! Именно так привыкли тебя называть мы все, твои многочисленные - близкие и дальние - родственники, для каждого из которых у тебя всегда находилось доброе слово поддержки, мгновенная "скорая помощь" - моральная и материальная. И все это при чрезвычайной загруженности работой до самых последних дней, часов и минут. Приходилось только восхищаться огромной энергией и работоспособностью этой маленькой, хрупкой женщины, в которой бушевал неугасимый огонь любви к жизни, людям, труду. Колебаний и сомнений не ведала ее душа. Это был неустрашимый и негасимый боец. Это был характер, выкованный из металла. Она оставалась такой при всей своей доброте и чуткости к окружающим.

Свое внимание и свою помощь она раздавала легко, просто и безвозмездно - как дышала. И никогда не огорчалась, если в ответ получала неблагодарность. Просто она тут же забывала о существовании подобного человека. Но таких людей было очень мало, потому что все ей платили такой же бескорыстной преданностью и любовью. В этом я убеждался не раз, в этом я убедился и когда увидел, как серьезные, взрослые люди, обремененные положением и именем, рыдали у ее гроба.

Участие бабушки в моей жизни проявилось еще в самом начале этой жизни и стало известно мне со слов родителей. По безапелляционному приговору Рины, в четырехлетнем возрасте мне удалили гланды. Позднее, когда родители захотели сделать из меня музыкального гения, Рина просто заявила, что если талант есть, то он проявится и без родительских забот, но ни в коем случае нельзя превращать музыку в пытку для ребенка. Но родители мудрому совету бабушки не вняли, и по окончании музыкальной школы я захлопнул крышку пианино, чтобы никогда больше ее не открывать. Зато, как она переживала мою неудачу при поступлении в Университет и как радовалась, когда спустя месяц меня все-таки зачислили на I курс! Она ходила гордая и сияющая под руку со мной по коридору Дома ветеранов кино и всем говорила: "Понимаете, с моим внуком произошло чудо, ну просто обыкновенное чудо!" И слушавший ее Евгений Габрилович понимал кивал головой и внимательно смотрел на человека, с которым произошло чудо...

Известная многим поколениям слушателей мастерской имитацией детских голосов, Рина проникала в психологию ребенка и полностью воплощалась в изображаемый ею персонаж. Старшее поколение помнит ее героев - мальчика Андриюшу и его соседку Марию Васильевну. Это были реальные люди - мой отец и его тетя, родная сестра Рины Васильевны. Уж эти-то персонажи были ей досконально известны, и она могла ставить их в любые ситуации и с большой степенью достоверности моделировать их поведение. Мне в этом смысле не повезло, я уже не мог служить прототипом ее героев. К моменту моего появления на свет к упомянутому жанру она возвращалась все реже и реже. Мое поколение знакомо с ее более поздней героиней - мисс Хатсон в телесериале о Шерлоке Холмсе.

Как и ее героини, Рина была очень разная, для каждого своя, но всегда новая и непохожая. Однажды я сделал открытие, что Рина существует не только для меня, но и еще для очень и очень многих людей. С этим мне пришлось примириться, потому что для каждого она была только его Риной - единственной и неповторимой.

Удивительно в ней было все. Но самым удивительным было, пожалуй, Ринино зрение. Телевизор, скажем, она могла смотреть, только приблизившись к экрану вплотную; писала, не видя букв, и часто строчки, выведенные ее рукой, нелезали друг на друга. И тем не менее меня она ухитрялась разглядеть достаточно подробно и прокомментировать мою внешность чем-нибудь вроде: "Ты опять похудел, собака", или "Что-то у тебя глаза совсем тусклые, друг мой". Это меня поражало, а иногда и пугало. Теперь-то я понимаю, что Рина обладала внутренним зрением, глаза ей особенно и не нужны были, она видела сердцем.

Последние месяцы, когда она уже редко выезжала из Матвеевской, а я звонил с предложением навестить ее, она спрашивала: "А ты уверен, что тебе это нужно?", и если я был уверен, - разрешала. Именно для меня было необходимо видеть ее, говорить с ней, возможно, получить суровый выговор, а затем непререкаемый дельный и конкретный совет, выполнение которого она обязательно контролировала. Она не забывала ни о ком и ни о чем. Какие кому нужны лекарства, книги, врачи - все это она помнила и выполняла. Ее поразительно цепкая память удерживала массу необходимых ей повседневно телефонных номеров, поскольку она была лишена возможности видеть цифры в записной книжке. А ясность суждений и трезвость мысли не покидали ее до последней минуты.

Огромно обаяние этой личности. И я счастлив, что в самом начале моего жизненного пути мне довелось испытать его на себе.

Василий ГЛУЩЕНКО